

приглашающих на их концерты, не идет ни в какое сравнение с количеством афиш Баскова! Басков – позорная печать нашего времени, а его 25-летие празднует все страна! Хотите знать мое мнение? Пожалуйста! Это ужасно! Мне обидно, когда какой-нибудь кукольно-плюшевый герой из шоу-бизнеса собирает целые стадионы. Многие люди живут бедно, убого и платят деньги, чтобы увидеть эту творческую и духовную нищету. Меня раздражает невежество, когда молодые люди спрашивают: «А во сколько в театре начинается концерт?» – или: «А кто такой Шукшин?» Может быть, надо делать какие-то скидки, но сколько же их можно делать?!

– Мне кажется, что вы до сих пор еще не привыкли к своей популярности, это правда?

– И не собираюсь к ней привыкать. Популярность – это, конечно, хорошо и очень приятно, но, как только ты начинаешь смешивать ее со своим повседневным существованием и работой, вот тут и начинается падение твоего актерского уровня. Все мечтают быть первыми в своем деле, но в актерской профессии стремление быть первым – ложная штука. Это же не спорт, здесь нет рекордов. И если ты начинаешь думать: «А я, блин, лучше всех!» – значит, все, у тебя уже едет крыша! Я всегда говорю, что перестаю быть артистом, когда выхожу за порог служебного входа. Я становлюсь папой, мужем, другом...

– Сергей, а вы ведь не похожи на артиста...

– Вы знаете, когда-то я удостоился большой чести: мне пожал руку Рихтер. И тогда я подумал: «Боже мой, у него же рука кузнеца! Как он может быть пианистом?» А он был гениальным пианистом... Я стал артистом действительно случайно. Я не мечтал об этом и не занимался в художественной самодеятельности, но помню, как рыдал, посмотрев «Без

вины виноватые» с Тарасовой во 2-м или 3-м классе... Я понимаю, что внешне больше похож на таксиста, но не комплекую по этому поводу. Кстати, после «Каменской» и «Ворошиловского стрелка» меня вообще некоторые люди воспринимают как милиционера...

Милиционер. Солдат. Рыбак. Космонавт. Абсолютное мужское начало. Узнаваемый и понятный. Или это не он, а Юра Коротков, живущий в соседнем подъезде? Или его незабываемый учитель-эвэпэшник из «Нежного возраста», смешной и великий в том, как самозабвенно он любит и защищает то, что ему дорого. И ты не боишься сказать слово «Родина», потому что для таких людей оно имеет подлинный и соразмерный смысл. За эту роль второго плана Гармаш получил «Нику».

– Давайте о хорошем. Давайте – о любви.

– А что бы вы хотели услышать о любви? (Улыбка наконец вернулась на лицо моего собеседника – вопросительная и лукавая.) «Вершин настоящей любви достигают единицы из миллионов», – сказал Куприн. И мне это нравится. Еще мне нравятся слова Ромена Роллана: «Любят, потому что любят, и верят, потому что верят. Любовь и вера не ищут причин». Вы знаете, это как-то неправильно – взрослому мужчине в 42 года петь песни любви. Если бы я был Гете или Есенин, я бы прочел вам что-нибудь из своего, а так... Скажу только, что когда я вижу человека, который говорит: «Я не верю в любовь» – или: «Любви не бывает», – мне становится его жалко. Как можно не любить, если хоть пару раз в месяц ты просыпаешься, смотришь в окно и у тебя возникает классное настроение просто оттого, что ты живешь?!

Личная жизнь Сергея Гармаша определилась уже давно. Его жена Инна – актриса «Современника». Их дочери Даше 13 лет. Самые старшие Гармаша – папа и мама Сергея – живут по-прежнему в Херсоне, пере-

езжать в Москву не хотят. Только надо видеть лицо Сергея и слышать его голос, когда он говорит о своих родителях.

– Родители – это мой дефицит. Я очень их люблю. Отношения с мамой у меня сохранились такими же, какими они были, когда я учился в 8-м классе. Моя мама всю жизнь проработала диспетчером на автобусной станции, а папа был водителем автобуса. После окончания института он стал руководителем транспортного предприятия и работает до сих пор. И если сегодня я могу помочь своим родителям, обеспечить их старость, для меня это – момент счастья... Так что бабушек и дедушек в Москве у нас нет, поэтому дочь наша – бесхозный ребенок. В раннем детстве ее няней был мой друг – врач Миша Вол-

разно с жизнью актера драматического театра. Нельзя сегодня говорить про стиральный порошок, а завтра произносить слова Достоевского, и все это для одного и того же зрителя. Один продюсер как-то мне сказал: «Ты, конечно, крутой, что этим не занимаешься, но вот дали бы тебе 250 тысяч долларов за рекламу – ты бы устоял?» Я не знаю.

– Как в театре отнеслись к вашему успеху?

– Хорошо. У нас умеют радоваться чужому успеху. Может быть, кто-то и не рад, но этого не показывает, и это тоже неплохо. Вы знаете, за что я люблю свой театр? Я работаю здесь уже 18 лет и не могу, например, припомнить, чтобы в труппе были хоть двое людей, которые годами не разговаривали. Мы подкалываем друг друга, ссоримся иногда. Мы

из театра, но мама упростила меня этого не делать. Я не жалею о своем выборе, но думаю, что если бы я пошел другой дорогой, то тоже не пожалел бы. Но до сих пор, когда я вижу яхту, я испытываю нечто подобное оргазму, а уж когда я к ней прикасаюсь или ступаю на нее ногой... Это как баццлла чумы, которая спит 200 лет, а потом просыпается и – бабах! Я на самом деле редко кому об этом рассказываю, потому что это... правда.

Мужчине тоже можно говорить комплименты, и великий Окуджава нас к этому призывал. И я уже говорю: «Сергей, у вас необыкновенная улыбка. И улыбайтесь вы часто, а это большая редкость для русского человека. Ну воспитаны мы так, что считаем: для улыбки нужен повод».

Его работа

ков, который иногда жил у нас. Потом мы таскали ее с собой и в театр, и на гастроли. Инна и Даша – мой тыл. Когда мотаешься по всей стране, это особенно важно. Съемки «Каменской» иногда заставляли нас с Яковлевой ставить рекорды: по 5-6 ночей подряд в поезде. Спектакль – съемка – спектакль – съемка... Я третий год без отпуска, но жаловаться не имею права. Я ведь деньги зарабатываю, и зарабатываю больше, чем, скажем, люди, сидящие рядом со мной в этой гримерке. И жаловаться в этой ситуации – значит обидеть того, кто помогает тебе там, наверху. Да и потом, работа приносит мне радость. Не вся, конечно.

Работаю ли я иногда из-за денег? Да, работаю. Приятно ли это? Не очень приятно. Хотелось бы работать всегда в удовольствие, так, как работалось с Соловьевым, Говорухиным и Абдрашитовым, которого я считаю своим учителем. Я, например, принципиально не снимаюсь в рекламе, хотя ни в коем случае не осуждаю тех, кто это делает. Потому что от суммы и от тюрьмы не зарекаются. Не дай бог, наступит такое время, когда и мне придется этим заняться, потому что это дело несооб-

же не в раю, значит, и ложка дегтя должна быть. Но это – жизнь, которую я люблю. И я даже себе представить не могу, какое предложение могло бы заставить меня сказать «до свидания» этому театру.

– У вас есть мечты, не связанные с профессией?

– Купить трансатлантическую яхту, бросить кино и театр и прожить на этой яхте всю оставшуюся жизнь. В детстве я занимался парусным спортом, и это осталось во мне навсегда. Если бы такое могло случиться и я стал бы несказанно богатым, я, ей-богу, оставил бы все и вторую часть жизни провел в морских путешествиях.

– И куда бы вы отправились?

– Думаю, что положил бы перед собой на стол книгу «Дети капитана Гранта». И в кругосветку обязательно... Я продолжал заниматься парусным спортом, даже когда окончил Днепропетровское театральное училище и уже работал в Театре кукол. Мы выиграли какие-то соревнования, и у меня появилась реальная возможность попасть в спортроту в Севастополе, а она считалась центром парусного спорта в СССР. И я даже побежал по-давать заявление об уходе

– Я свою улыбку не люблю. Актер вообще долго привыкает к тому, как он выглядит на экране. Когда мы с Феклистовым впервые увидели пробы к нашему первому фильму «Отряд», то в курилке после просмотра он сказал мне: «Ты знаешь, я больше никогда не буду сниматься в кино». И я (абсолютно искренне и без всякого кокетства) ответил ему: «И я, Саня, тоже». У меня был шок от того, что я увидел, хотя меня утвердили, выбрав из большого числа претендентов. И эта картина стала не только моей первой, но и одной из самых любимых. Так вот, если говорить об улыбке, то я себя ругаю за нее. Мне больше нравится, когда я улыбаюсь меньше... Ну что ж, помчались?

Помчались. Но напоследок мы отправились сделать пару снимков к Чистым прудам, где выяснилось, что Гармаш застенчив. «Я же не фотомодель в конце концов, вот и неловко, куча народу же смотрит». И, продолжая улыбаться, он снова погрузил себя в машину, развернулся и умчался в свою собственную жизнь.

Его тыл

